

Islamic education Исламское образование

DOI [10.31162/2618-9569-2019-12-2-527-539](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-527-539)
УДК 297.1

Original Paper
Оригинальная статья

Жизненные стратегии молодых мусульман, получающих религиозное образование (на примере медресе Республики Татарстан)

М. Р. Гибадуллина

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7448-5085>, e-mail: G.milya@mail.ru

Резюме: в статье анализируются современное состояние и актуальные проблемы религиозного исламского образования в Республике Татарстан. Раскрываются роль профессионального религиозного образования в становлении молодых мусульман, влияние медресе на их семейные, образовательные и профессиональные стратегии. В рамках исследования проведено десять полуструктурированных интервью с шакирдами 4-го и 5-го курсов очного отделения медресе. В результате были определены различия в жизненных стратегиях девушек и юношей. Девушки более ориентированы на семью, и религиозное образование планируют применять для обучения и воспитания детей. У мусульманок семейные стратегии – приоритетные, в отличие от образовательных и профессиональных. Стратегии же юношей можно разделить: одни имеют четкие планы по продолжению религиозного обучения и в дальнейшем трудоустройства в религиозной сфере, другие не имеют конкретных планов на жизнь и не планируют продолжать обучение. В целом система исламского религиозного образования имеет такие же проблемы, что и в светских вузах: слабо выраженные образовательные и профессиональные стратегии у части учащихся, малое количество выпускников, нежелание продолжать профессиональный путь по специальности.

Ключевые слова: жизненные стратегии; исламское образование; медресе; молодые мусульмане; шакирды

Для цитирования: Гибадуллина М. Р. Жизненные стратегии молодых мусульман, получающих религиозное образование (на примере медресе Республики Татарстан). *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):527–539. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-527-539.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Life strategies and plans of young Muslims who receive religious education (Results from the field-study in the madrasah of the Republic of Tatarstan)

M. R. Gibadullina

Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7448-5085>, e-mail: G.milya@mail.ru

Abstract: the paper offers an analysis of phenomenon of Islamic education. There is argued that the theoretical and historical analysis of this phenomenon prevails in comparison to the practical field studies. The author analyzed the present state of religious education in the Republic of Tatarstan as well as the problems, which arise in this context. It has been identified the role of religious education in the young Muslims formation. The author also traces the influences of madrasas on their students' family values as well as employment prospects. The rich field material was collected from the 10 interviews given by the full-time students (*shakirds*) of 4th and 5th academic years. The answers received made clear the basic differences between the males and females in their view on the life values and career. Young females appear to be more family-centered and plan to use the religious education they have received to facilitate in the future the upbringing and education of children. They set family values above educational and professional goals. However, the life strategies of young males vary to a significant extent. Some have already clear plans to continue their religious education and see their future employment in various spheres of Islamic worship. On the contrary others still do not have clearly shaped plans for future and do not plan to continue religious education. The system of Muslim religious education has some disadvantages in comparison to the secular education. The goals of religious education are not always clearly set, there are no prospects for further education and career, which is often reflected in unwillingness of the students to stick to the professional career in religious sphere.

Keywords: Islam, education; Islam, study of, students; madrasas; youth, Islamic

For citation: Gibadullina M. R. Life strategies and plans of young Muslims who receive religious education (Results from the field-study in the madrasah of the Republic of Tatarstan). *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):527–539. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-527-539.

Введение

Слияние религии с политикой, проникновение религиозных организаций в сферу крупного и малого бизнеса, влияние глобализационных процессов на модификацию религиозных доктрин, распространение универсальных и синкретических учений, захватывающих сотни миллионов людей, – все это указывает на то, что религия и религиозные институты активно ищут свое место в современном мире. Вопросы религиозного образования получают определен-

ное внимание со стороны исследователей, формулируются значения терминов «религиозное образование», «религиоведческое образование», «теологическое знание», обсуждаются правовые основания реализации религиозного образования, рассматриваются возможности интеграции знаний о религии и религиозных знаний в систему гуманитарного образования [1–5].

Важнейшей вехой в истории развития исламского образования второй половины XVIII в. является начало реформаторского движения – джадидизма – как ответа татарских богословов на вызовы своего времени (начало капиталистических отношений в России, становление массового образования). Видные деятели XVIII–XIX вв. (Г. Курсави (1772–1812), Ш. Марджани (1818–1899), Г. Баруди (1857–1921), Р. Фахретдин (1859–1939), И. Гаспринский (1851–1914)) внедряли новшества в методiku преподавания (замена слогослагательного метода на звуковой), в организацию учебного процесса (введение светских предметов в учебный план). Деятельность татарских религиозных мыслителей внесла крупный вклад в историю татарского педагогического образования и философской мысли. Интерес к исламу как важной составляющей повседневной жизни проявляли не только мусульмане, но и этнологи, историки. Так, этнолог К. Ф. Фукс в своих работах описывал особенности преподавания в медресе, отношение к образованию девочек, а также отмечал достаточный для понимания Корана уровень обучения арабскому языку в Казани [6]. Я. Д. Коблов анализировал методы преподавания в медресе, выделяя катехизический и эвристический [7; 8].

С октябрьской революцией 1917 г. начался процесс отделения государства от религии. В годы советской власти религиозные традиции были потеряны или сведены до уровня обычаев и обрядов. Основные тенденции развития наиболее значимых школ российского исламоведения на стадии его формирования проанализированы в работе А. Маточкиной, М. Стецкевич [9].

В целом на данный момент проведены исследования и изучены наиболее важные исторические вехи в развитии исламского образования на территории России: реформы исламского образования, переход к новометодной школе [10; 11]; процессы возрождения исламских медресе и мектепов в Поволжье XVIII в. [12; 13]; особенности советской системы подготовки исламских кадров [14]; влияние зарубежного фактора [15]; анализ контингента учащихся исламских религиозных учреждений [16], а также современные реалии и перспективы исламского образования [17–20].

Отдельно необходимо выделить исследования современных имамов, теологов, руководителей религиозных учебных заведений и мусульманских ученых. Исследуются особенности функционирования ислама в Поволжье, анализируются системы исламского образования, ее особенности и перспективы, учебные планы и рабочие программы, деятельность и специфика конкретных учебных заведений (Р. М. Мухаметшин, Р. А. Набиев, Д. М. Исаков, В. М. Якупов, Р. Р. Шангараев, Д. С. Мухаметзянов, М. М. Марданшин и др.).

Об актуальности темы говорят многочисленные ежегодные научные конференции: «Инновационные технологии в деятельности мусульманских образовательных организаций» (г. Казань), Якуповские чтения (г. Казань), «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века» (г. Уфа), форумы преподавателей мусульманских образовательных организаций (г. Казань) и др. На научных мероприятиях обсуждаются вопросы преподавания исламских дисциплин, место и роль воспитания в образовании, языковые проблемы, вопросы подбора литературы.

В целом обзор литературы показывает, что исследователями основательно изучены история и эволюция системы исламского образования. Однако отмечается перекокс к историческому анализу; есть необходимость в комплексном изучении системы традиционного исламского образования, с учетом факторов его структуризации и консолидации в единое образовательное пространство.

Анализируя систему исламского образования, мы можем говорить об институционализации – произошло упорядочивание и формализация социальных связей. В качестве признаков социального института можно выделить: устойчивость, наличие формальных и неформальных правил, организующих взаимодействие людей в определенной сфере через систему ролей и статусов.

Говоря о развитии исламского образования, позволительно выделять два этапа становления: первый этап охватывает 1990-е гг. и начало 2000-х, когда происходит активный рост количества религиозных учебных заведений, второй этап начинается с 2010-х гг., когда государство берет на себя функции одного из регуляторов и организаторов системы исламского образования, делаются шаги по улучшению качества образования [21]. В силу отсутствия педагогических кадров, потери многих местных традиций учебные заведения Республики Татарстан возрождались по примеру среднеазиатских.

На сегодняшний день проблемы, существующие в системе исламского образования, сводятся к следующему: разобщенность духовных управлений мусульман; отсутствие единой системы исламского образования на территории страны; отсутствие единства содержания и стандартов образования; качество контингента учебных заведений; процесс трудоустройства выпускников [16; 22; 23].

В 2011 г. был утвержден государственный образовательный стандарт по теологии, в том числе исламский модуль. В 2016 г., согласно приказу министра образования и науки Российской Федерации, был образован диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук по специальности 26.00.01 «Теология». В настоящее время ведутся дискуссии о разработке содержательной части стандартов российского исламского образования в средних и высших учебных заведениях. Предмет «Теология» – это соединение исламского богословия со светским исламоведением, и курс должен быть наполнен религиозно-доктринальной тематикой, а также светскими, необходимыми для каждого религиозного деятеля, современными дисциплинами [19; 20]. В то же время религиозное образование (при-

мечетские курсы, медресе и исламские высшие учебные заведения), не имея государственной аккредитации и не выдерживая конкуренции со светскими специальностями, может иногда становиться маргинализирующим фактором для выпускников с дипломом, который не признается государством.

В Республике Татарстан на начало 2019 г. действует восемь медресе. Это средние профессиональные учебные заведения, которые ведут свою деятельность на основании лицензии, выдаваемой Министерством образования и науки РТ. Существует три формы обучения: очная, вечерняя и заочная. Высшее религиозное образование представлено тремя учебными заведениями – Российский исламский институт (РИИ), Казанский исламский университет (КИУ), Болгарская исламская академия (БИА). По данным Духовного управления мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ), на сегодняшний день в системе исламского образования преподавательскую деятельность ведут около 220 человек, обучаются около 4000 шакирдов¹, из них около 1200 – в РИИ².

Основная часть шакирдов проходят обучение на вечерней и заочной формах обучения, контингент которого, как правило, представлен трудоспособной частью населения и пожилыми людьми. Для них получение религиозного образования продиктовано желанием найти ответы на свои духовные поиски. Данная часть шакирдов характеризуется наличием жизненного опыта, большинство из них получили образование и ведут трудовую деятельность или находятся на пенсии, имеют семьи, детей и внуков.

Другая часть учащихся – это шакирды очных форм обучения в медресе, большинство из них поступили в медресе после 9-го класса. Параллельно шакирды посещают вечернюю школу и получают полное среднее образование. К моменту выпуска из медресе им, как правило, 19–20 лет, если они оканчивают пять курсов, или 18–19 лет, если три курса. По окончании медресе им будет необходимо принять решение о своем дальнейшем образовании – продолжать религиозное обучение в высшем учебном заведении или обратить свое внимание на светские институты.

Методика исследования

Предмет нашего исследования – жизненные траектории шакирдов старших курсов средних профессиональных исламских учебных заведений. Для наиболее полного изучения предмета нами был выбран наиболее гибкий метод качественного исследования – полуструктурированное интервью. В рамках метода были определены тематические блоки: мотивы получения профессионального религиозного образования; моделирование и планирование будуще-

¹ Муфтий РТ в Москве выступил с предложениями по развитию системы исламского образования. Режим доступа: http://magarifrt.ru/news/news_894.html [Дата обращения: 27.03.2019].

² Итоги года в области просвещения. Режим доступа: http://magarifrt.ru/news/news_868.html [Дата обращения: 27.03.2019].

го; образовательные стратегии; профессиональные стратегии; семейные стратегии. Интервью выстроено таким образом, что интересующие нас аспекты были органически встроены в ход беседы. Исследование проводилось на территории учебного заведения, что позволило не создавать дополнительного напряжения для респондентов. Все респонденты приняли участие в исследовании на условиях анонимности.

Всего было проведено десять полуструктурированных интервью с шакирдами выпускных курсов очного отделения. Количество респондентов обусловлено немногочисленным контингентом учащихся, так как базовый уровень образования в медресе составляет 3 года, а 5 лет считается повышенной степенью обучения, согласно принятым в республике стандартам среднего профессионального мусульманского образования. Таким образом, в выборку вошли только 4-й и 5-й курсы, так как респонденты выбрали полное религиозное образование в рамках медресе.

В число респондентов вошли пять юношей и пять девушек. Как правило, в медресе приходят после 9-го класса (15–16 лет), таким образом, средний возраст шакирдов на 4–5-м курсах очного отделения медресе 19–20 лет.

Результаты исследования

Трое шакирдов имеют опыт дальних переездов, на данный момент все респонденты проживают в России, шесть из них – в Республике Татарстан. Отметим, что ни один из шакирдов не оказался родом из г. Казани. Только двое респондентов указали, что они из многодетных семей (4 ребенка). Кроме одного шакирда (32 года) респонденты указали, что в ислам пришли с детства; как правило, наставником, «проводником» в религию выступает один из родителей или другой родственник (*«В семье практикующих уже не было, бабушка и дедушка умерли. Переломный момент был, когда тетя начала практиковать, надела платок, начала в мечеть ходить. Она на всех повлияла. В школе начал намаз читать, потом в мечеть ходить, захотелось получить религиозное образование»*) (юноша, 19 лет). Тенденция приобщения к религии через окружение была отмечена и в исследованиях Я. З. Гарипова и Р. В. Нуруллиной [22, с. 207–210]. Таким образом, в последнее десятилетие семья остается основным фактором религиозной социализации.

Поступление в религиозное учебное заведение и начало религиозной практики, совпавшее с подростково-юношеским психологическим переходом, большинство респондентов выделили как самое значимое событие в их жизни. Возраст шакирдов и небогатый жизненный опыт не позволяют им точно определить важные события своей жизни. Поступление в медресе связано со сменой обстановки, физической сепарацией от родителей, возросшей ответственностью. Поступление в религиозное учебное заведение способствует переосмыслению религии у респондентов, они отмечают, что раньше (до поступления) они выполняли ритуалы механически, не всегда понимали суть религии (*«Когда*

поступила в медресе, начала понимать. Раньше на автомате, а тут поняла, зачем мне это надо, зачем и почему» (девушка, 19 лет).

Респонденты отмечают, что сложностей или критических периодов в их жизни пока не было, но если возникают какие-то проблемы, то стараются решать самостоятельно – полагаются лишь на свои силы, либо обращаются к Аллаху («*Самостоятельно, редко обращаюсь к кому-то. А так обычно сама. Я сначала вообще ничего не делаю, если проблема само собой не уходит, то приходится решать, и решаю обычно сама*» (девушка, 18 лет); «*Ну, моя жизнь пока не такая интересная. Ну да, мы с учетом того что все впереди. Ой, так хочется насыщенной жизни, ярких событий... Пореву, намаз почитаю, сделаю дуа. Устрою себе день релакса, вкусняшки всякие*» (девушка, 18 лет)).

Круглосуточное нахождение в религиозной среде формирует и круг общения респондентов. Если у них возникают вопросы или проблемы, не только религиозного плана, но и жизненные трудности, они обращаются к преподавателям. Кроме того, традиционно для этого возраста, шакирды ориентированы на мнение и советы ровесников (друзей, сокурсников) («*В основном с устазами [учителями]... или с подружками... поговоришь с ними и думаешь потом*» (девушка, 19 лет)). Основная мотивация шакирдов для получения профессионального религиозного образования – получение знаний об исламе для себя, углубление знаний, изучение арабского языка («**Расскажите, что подтолкнуло Вас получать религиозное образование?** – *Знать, чем занимаюсь, многие мусульмане не понимают... знать свою религию, чтобы потом его передавать... качество религии дает*» (девушка, 19 лет); «*Я хочу сам знать. Это мое решение. Хочу сам читать Коран, понимать арабский*» (мужчина, 32 года); «*Каждая женщина должна быть религиозной, это и для меня интересно*» (девушка, 19 лет); «*Изучение Корана. Нужно знать смысл, арабский выучить*» (мужчина, 20 лет); «*А как это – мусульманин без религиозного образования?*» (девушка, 18 лет); «**Как вы считаете, зачем мусульмане получают религиозные знания?** – *Чтобы знать свою религию, не быть невежественными, распространять. Сейчас много сект, течений*» (девушка, 18 лет)). Отметим, что мотивации получить религиозное образование как освоение необходимых навыков и умений для религиозной профессиональной деятельности не прослеживается. Частично такой подход обусловлен самим исламом, в котором ценятся знания и учеба, а распространение знаний является обязанностью мусульманина. Но в рамках учебного заведения как социального института с определенными задачами (подготовка кадров для религиозной сферы) данная тенденция может снизить эффективность деятельности учреждения.

Учебное заведение часто выбирается по совету семьи или друзей, что говорит о изначально невысокой мотивации абитуриента на получение религиозных знаний («*Знакомые, подруги здесь учились, и родители посоветовали*» (девушка, 19 лет); «*У меня тут был друг, он проучился и сказал что хорошие знания. И я вот поехал*» (мужчина, 32 года)). Образование и профессия – не

осознанный выбор, а часто самый легкий путь для школьника, так как для поступления в религиозное учебное заведение не нужно сдавать ЕГЭ, набор ведется по внутренним экзаменам (**«Вы думали о том, чтобы поступать не в данное учебное заведение, а другое? Почему приняли именно такое решение?»** – Я хотела в техникум, в кооперативный. Не хотела оставаться после 9-го класса, надоело учиться. Была ударницей. Хотелось нового. Я уже сейчас хочу новое» (девушка, 20 лет)).

Данная проблема неоднократно поднималась в исследованиях исламского образования. Так, в исследовании 2009 г., целью которого было изучение мотивации обучения в медресе, отмечались следующие проблемы: высокий отсев на первых курсах, малое количество выпускников медресе, нежелание продолжать профессиональный путь в религиозной сфере [22, с. 216–218]. В целом результаты нашего исследования подтверждают, что ситуация не поменялась и данные проблемы остаются актуальными.

Образовательные и профессиональные траектории у шакирдов выпускных курсов сформулированы недостаточно четко (**«Что вы хотите достичь в ближайшие 1–2 года?»** – Учебу закончить. – **А в среднесрочной перспективе, 3–5 лет?»** – Поступить еще куда-нибудь, выйти замуж» (девушка, 19 лет); **«Планируете ли вы работать по специальности?»** – Иншаллах [если пожелает Аллах]! Пока не задумывалась» (девушка, 19 лет); «Ну, как получится. Может журналистика, и по религиозной специальности. Есть планы преподавать, учу Коран» (девушка, 22 года)).

Традиционно девушки ориентированы на семью, и религиозное образование ими может быть применено в воспитании и обучении своих детей. Современные мусульманки видят в этом ресурс для своего развития. (**«Планируете ли Вы работать по специальности?»** – Да, но для этого в России надо иметь высшее образование. Я планирую продолжать работать с детьми, но хотелось бы быть более подготовленной к этому, потому что очень важно правильно донести информацию до ребенка» (девушка, 18 лет); «Хочу работать летом, не важно, по какой специальности. А потом поступить на логопеда хочу. Потом замуж. Хочу семью» (девушка, 19 лет); «Не знаю, буду ли работать по специальности, но я буду стараться передавать знания своим детям и окружающим» (девушка, 18 лет)). На сегодняшний день мусульманки мало ограничены в самореализации. Современные технологии позволяют вести работу дистанционно, заниматься творчеством и объединяться с единомышленницами, и в данном контексте профессиональное религиозное образование гармонично вписывается в жизненные стратегии девушек. Например, одна из девушек ведет свой влог, снимает видеоролики. Таким образом, у мусульманок образовательные и профессиональные траектории тесно переплетаются, но стратегия получения дополнительного образования менее выражена, и уступает приоритетам семьи.

Девушки не могут работать имамами и иными религиозными деятелями, для них основная площадка профессиональной реализации – преподаватель-

ская деятельность и работа с детьми. В целом стратегии направлены на создание семьи (*«Есть ли у Вас цель в жизни? – Стать хорошей женой, матерью»* (девушка, 19 лет)).

У юношей также слабо выражены образовательные и профессиональные траектории. Для шакирдов характерен философский взгляд на свою жизнь (*«Я стремлюсь к довольству Аллаха. Если я достигну этого, у меня будет успех во всех сферах жизни. Быть полезным обществу, себе»* (мужчина, 32 года)). Респонденты испытали трудности с ранжированием своих целей и жизненных событий на временной шкале (*«Определенных временных рамок нет уж...»*, *«Как будет уж... так не знаю...»* (юноша, 20 лет); *«Нет [планов], по ситуации»* (юноша, 20 лет)).

В целом юноши, которые решают продолжать обучение после 3-го курса в медресе, либо не имеют никаких конкретных планов на будущее, и таким образом берут время на размышления, либо твердо уверены продолжать свое развитие в религиозной сфере (*«Планируете ли Вы после выпуска получать дополнительное образование? Светское или религиозное? – Если получится. – По какой специальности? – Не знаю»* (юноша, 20 лет); *«В армию, скорее всего. Потом преподавать. И в РИУ на заочный. Преподавать у себя в медресе, как раз distraивается»* (юноша, 19 лет)). В силу вероучения у молодых мусульман доминирует декламационный подход и к финансовому вопросу (*«Ожидаемый месячный заработок по Вашей специальности? – Не знаю. Будем довольствоваться, думаю не будет такого, чтобы нуждались»* (юноша, 19 лет)). Финансовый вопрос не является мотивирующим фактором к образованию и активному профессиональному развитию.

Проблема трудоустройства выпускников по специальности обсуждается как государством, так и внутри самих религиозных структур. Шакирды имеют свое видение данной ситуации (*«Почти все идут не по исламу, многие замуж вышли, дома сидят»* (девушка, 19 лет); *«От самого человека, наверное, зависит. Есть проблема, что не идут по специальности работать»* (юноша, 19 лет); *«Статистика говорит, что только 3% идет по специальности. Есть свои трудности. Лучшие места заняты, тебе нужно быть еще лучше, чтобы пробиваться. Но это все материальное, в этой сфере нужно быть идейным, делать это все ради Аллаха... большая тема»* (мужчина, 32 года)).

Выводы

Таким образом, исламское образование оказывает большое влияние на формирование жизненных стратегий молодых мусульман. Находясь в религиозной среде, шакирды могут «выпадать» из системы светского образования, в дальнейшем их могут ожидать сложности и при интеграции в светское общество. Опрошенные нами мусульманки традиционно ориентированы на создание семьи и воспитание детей, планируют применять полученные в медресе знания для обучения своих детей. Юноши имеют более размытые стратегии,

семья, дети, их воспитание – все это не воспринимается мужской частью респондентов как площадка для самореализации, брак входит в их планы, но не является самоцелью в ближайшей перспективе. У юношей старших курсов определились две тенденции: как правило, наличие конкретных и четких планов в религиозной среде (получение религиозного образования более высокой профессиональной ступени, работа по специальности) и отсутствие конкретных жизненных установок в вопросах самореализации в светском обществе.

Республика Татарстан – один из немногих регионов страны со значительным мусульманским населением, где масштабно выстраивается многоступенчатая система исламского религиозного образования (примечетские курсы, медресе, исламский вуз, исламская академия) с нормативно-правовым регулированием и контролем со стороны Духовного управления мусульман за деятельностью учебных заведений – высшего образования, обучающихся по федеральным государственным образовательным стандартам (исламская теология, исламская экономика, лингвистика, исламская журналистика и т.д.), и среднего профессионального образования, обучающихся по единым религиозным стандартам (подготовка священнослужителей мусульманского вероисповедания).

Однако многие проблемы религиозных образовательных институций в республике: низкий уровень подготовки абитуриентов, слабые профессиональные стратегии шакирдов, низкая мотивированность на получение в дальнейшем светского образования, отсутствие четких представлений и перспектив у учащихся о будущем профессиональном духовном служении – являются зеркальным отражением проблем светского общества и татарстанской мусульманской уммы в целом.

Литература

1. Метлик И. В. Новое об изучении религий и воспитании школьников в Законе «Об образовании в Российской Федерации». *Воспитание школьников*. 2014;(7):24–35.
2. Метлик И. В. Социальное партнерство государства и конфессий в духовно-нравственном образовании школьников. *Педагогика*. 2015;(7):60–70.
3. Шмонин Д. В., Шахнович М. М. Теология и религиоведение в современной России: практика образовательной деятельности. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2013;14(1):253–255.
4. Шмонин Д. В. Религиозное образование и образовательные парадигмы. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2013;14(2):47–64.
5. Козырев Ф. Н. Постмодерн: вызовы и перспективы для школьного религиозного образования. В: *Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. Материалы 14-й междунар. конф.* СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина; 2016. С. 50–55.
6. Фукс К. Ф. *Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Краткая история города Казани*. Казань: Фонд ТЯК; 1991.
7. Коблов Я. Д. *Конфессиональные школы казанских татар*. Казань: Центр; 1916.
8. Коблов Я. Д. Татарские мусульманские школы (медресе). *Церковно-общественная жизнь*. 1906;(9):323–325.

9. Маточкина А., Стецкевич М. Становление российского исламоведения: между конфессионализмом и научной объективностью (вторая половина XIX – начало XX в.). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018;36(1):82–106. DOI: [10.22394/2073-7203-2018-36-1-82-106](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-82-106).

10. Ишмухамедова Р. И. Процесс перехода на рубеже XIX–XX веков к новометодной школе у татар (в восприятии саратовских чиновников). *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2014;(5):142–145.

11. Хабутдинов А. Ю. Реформы образования у мусульман Российской империи Нового времени: от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского. *Ислам в современном мире*. 2015;11(1):11–18. DOI: [10.20536/2074-1529-2015-11-1-11-18](https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-1-11-18).

12. Амирханов Р. У. Система конфессионального образования у татар: становление и формы функционирования. В: Мухаметшин Р. М. (ред.) *Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки*. Казань: ФЭн; 2006. С. 140–157.

13. Амирханов Р. У. Татарское просвещение в зеркале истории (дооктябрьский период). В: *Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки*. Казань: Мастер Лайн; 2002; 2006. Режим доступа: <http://www.tataroved.ru/institut/novhist/publ/1/> [Дата обращения: 08.02.2019].

14. Ахмадуллин В. А. Особенности советской системы двухуровневой подготовки исламских кадров: опыт и уроки. *Ислам в современном мире*. 2015;11(2):153–164. DOI: [10.20536/2074-1529-2015-11-2-153-164](https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-2-153-164).

15. Ахунов А. М. Роль зарубежного фактора в становлении системы религиозного образования в постсоветском Татарстане: проблемы и пути их преодоления. *Ислам в современном мире*. 2016;12(3):179–188. DOI: [10.22311/2074-1529-2016-12-3-179-188](https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-3-179-188).

16. Алмазова Л. И. Анализ современного состояния и перспектив в сфере исламского образования (Уровень среднего образования/Медресе). В: *Мусульманское образование в Татарстане: история, современное состояние и инновационные процессы (Цикл статей)*. Казань: Иман; 2012. С. 34–80.

17. Мухаметшин Р. М. Стратегические направления развития мусульманского образования в России. *Ислам в современном мире*. 2015;11(4):35–46. DOI: [10.20536/2074-1529-2015-11-4-35-46](https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-4-35-46).

18. Калимуллин Р. Х. Структура современного российского исламского образования. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015;(9-2):347–351.

19. Солодовник Д. М. Проблемы исламского образования и особенности российской цивилизации. В: *Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века. Материалы 10-й Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 18–20 октября 2017 г.* Уфа: Мир печати; 2017. С. 151–157.

20. Солодовник Д. М. Роль исламского образования в становлении российской идентичности. В: *Актуальные вопросы реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Материалы Всерос. эксперт.-аналит. конф. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета; 2017. С. 249–257.*

21. Поломошнов А. Ф., Поломошнов П. А. Исламское образование в России. *Вестник Донского государственного аграрного университета*. 2017;(3-2):59–68.

22. Гарипов Я. З., Нуруллина Р. В. Социализация мусульманской молодежи на примере учащихся мусульманских учебных заведений Татарстана (часть 1).

Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009;(4):203–229.

23. Патеев Р. Ф. Россия: проблемы кооптации выпускников исламских вузов в официальное мусульманское духовенство (на примере Дагестана). *Кавказ и глобализация*. 2008;2(3):150–160.

References

1. Metlik I. V. New about studying of religions and education of school students in the light of the law “about education in the Russian Federation”. *Vospitanie shkolnikov = Upbringing of Schoolchildren*. 2014;(7):24–35. (In Russ.)

2. Metlik I. V. Social partnership of the state and confessions in the spiritual and moral education of schoolchildren. *Pedagogika*. 2015;(7):60–70. (In Russ.)

3. Shmonin D. V., Shakhnovich M. M. Theology and religious studies in Modern Russia: the practice of educational activities. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 2013;14(1):253–255. (In Russ.)

4. Shmonin D. V. Religious education and educational paradigms. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 2013;14(2):47–64. (In Russ.)

5. Kozyreva F. N. Postmodern: Challenges and Perspectives for School Religious Education. In: *The life-long education. Proceedings of the 14th international meeting on the continuous education St Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin*; 2016. Pp. 50–55. (In Russ.)

6. Fuks K. F. *Kazan Tatars in statistical and ethnographic terms. A brief history of the city of Kazan*. Kazan: Fond TYaK; 1991. (In Russ.)

7. Koblov Ya. D. *Confessional schools of Kazan Tatars*. Kazan: Tsentr; 1916. (In Russ.)

8. Koblov Ya. D. Tatar Muslim schools (madrasas). *Tserkovno-obshchestvennaya zhizn*. 1906;(9):323–325. (In Russ.)

9. Matochkina A., Stetkevich M. The Formation of Russian Islamic Studies: Between Confessionalism and Scientific Objectivity (Second Half of the 19th to the Beginning of the 20th Century). *Gosudarstvo, religii, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 2018;36(1):82–106. (In Russ.) DOI: [10.22394/2073-7203-2018-36-1-82-106](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-82-106).

10. Ishmuhamedova R. I. Process of Tatar transition to the new method school in the late XIX–XX (through the perception of the Saratov region officials). *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 2014;(5):142–145. (In Russ.)

11. Khabutdinov A.Y. The educational reforms of the Russian empire Muslims of modern times: from Hussain Faizkhanov to Ismail Gasprinsky. *Islam in the modern world*. 2015;11(1):11–18. (In Russ.) DOI: [10.20536/2074-1529-2015-11-1-11-18](https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-1-11-18).

12. Amirkhanov R. U. The system of confessional education in Tatars: the formation and forms of functioning. In: Mukhametshin R. M. (ed.) *Islam and Islamic culture in the Volga Region: history and Modern Times. A collection of Essays*. Kazan: Fen; 2006. Pp. 140–157. (In Russ.)

13. Amirkhanov R. U. Tatar enlightenment in the mirror of history (pre-October period). In: *Islam and Islamic culture in the Volga Region: history and Modern Times. A collection of Essays*. Kazan: Master Lain; 2002; 2006. Available at: <http://www.tataroved.ru/institut/novhist/publ/1/> [Accessed: 08.02.2019]. (In Russ.)

14. Akhmadullin V. A. The specifics of the secular system of two-level religious staff training: experience and lessons. *Islam in the modern world*. 2015;11(2):153–164. (In Russ.) DOI: [10.20536/2074-1529-2015-11-2-153-164](https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-2-153-164).

15. Akhunov A. M. Foreign factor in the formation the system of religious education in post-soviet tatarstan: problems and ways of overcoming them. *Islam in the modern world*. 2016;12(3):179–188. (In Russ.) DOI: [10.22311/2074-1529-2016-12-3-179-188](https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-3-179-188).

16. Almazova L. I. Analysis of the current state and prospects in the field of Islamic education (Level of secondary education / Madrasa). In: Islamic education in Tatarstan: its history, present state and innovations. A collection of articles. Kazan: Iman; 2012. Pp. 34–80. (In Russ.)

17. Mukhametshin R. M. Strategic development trends of Muslim education in Russia. *Islam in the modern world*. 2015;11(4):35-46. (In Russ.) DOI: [10.20536/2074-1529-2015-11-4-35-46](https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-4-35-46).

18. Kalimullin R. H. Integrative approach in the three-level system of the Islamic education. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2015;(9-2):347–351. (In Russ.)

19. Solodovnik D. M. Problems of Islamic education and features of the Russian civilization. In: The Islamic ideals and values in the educational process in the 21st cent. Proceedings of the 10th International Meeting, Ufa, October 18–20, 2017. Ufa: Mir pechati; 2017. Pp. 151–157. (In Russ.)

20. Solodovnik D. M. The role of Islamic education in the development of Russian identity. In: Ways of implementation of the Russian national policy strategy for the period until 2025. Proceedings of the All-Russia Meeting of experts and analysts. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2017. C. 249–257. (In Russ.)

21. Polomoshnov A. F., Polomoshnov P. A. Islamic education in Russia. *Vestnik of Don State Agrarian University*. 2017;(3-2):59–68. (In Russ.)

22. Garipov Ya. Z., Nurullina R. V. Socialization of Muslim youth on the example of students of Muslim educational institutions of Tatarstan (part 1). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2009;(4):203–229. (In Russ.)

23. Pateev R. Russia: problems relating to the cooptation of graduates of Islamic higher educational institutions into the official Muslim clergy (Daghestan case-study). *The Caucasus & Globalization*. 2008;2(3):132–141.

Информация об авторе

Гибадуллина Миляуша Рустамовна, аспирант, научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация.

Information about the author

Milyausha R. Gibadullina, postgraduate student, researcher of the Center of Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18 апреля 2019 г.
Одобрена рецензентами: 14 мая 2019 г.
Принята к публикации: 20 мая 2019 г.

Article info

Received: April 18, 2019
Reviewed: May 14, 2019
Accepted: May 20, 2019